

Шимун Врочек

Время предавать

*Часть сборника
Сержанту никто не звонит
(сборник)*

Шимун Врочек
Время предавать

«Автор»

2001

Врочек Ш.

Время предавать / Ш. Врочек — «Автор», 2001

«– Время.– Да. Я знаю. Уже иду... Сейчас, – голос казался чужим. Высокий худой человек с седеющими висками, полжизни уже позади, и вот он – час... пришёл. Незванным...»

Шимун Врочек Время предавать

– Время.

– Да. Я знаю. Уже иду... Сейчас, – голос казался чужим. Высокий худой человек с седыми висками, полжизни уже позади, и вот он – час... пришёл. Незванным.

В молодости всё казалось проще. И – легче, что ли... Да, он понимал, что будет страшно, трудно, невыносимо, но так... нелепо, ненужно... Нет, в молодости многое кажется проще.

Тёмный тяжёлый плащ вздымается ждущей шторма волной. Серебряная фибула, не украшение даже... пряжка... дешёвая, в любой лавке за гроши, если поторговаться... за два жалких дирхема.

Он провёл ладонью по полустёртой чеканке. Круг, разделённый пополам ломаной стрелой, привычной шероховатостью отозвался под пальцами...

Всё. Время. Пора.

... – Твой последний шанс...

Голос судьбы твёрд, как кора столетнего дуба, и сам он такой же. Кряжистый, старьёй, и пальцы... Корявые корни вросшего в землю великана.

– Мальчишка, – говорит судьба, – глупый самонадеянный мальчишка...

Он, не ты... Ты – другой. Вор. Предатель. А парня жалко. Виселище всё одно – молод, стар, глуп, виноват, не виноват...

– Отпусти. Его, не меня, – просит он.

Потом опускает голову и смотрит в пол. Долго смотрит.

– Я... сознаюсь. Во всём.

Судья качает огромной седой головой, по-отечески усмехаясь.

– Дурак, – говорит он. – Вор. Предатель. Ты и так сознался... Пацана казнят, вздёрнут – с твоих, между прочим, показаний. А пытка... Что – пытка? Мы её применить-то не успели, такого соловья как ты, надо слушать, не ломая крыльев...

От горячей, словно кипящая смола, правды непереносимо ноет сердце.

– Шанс? Ты говорил – шанс?...

Улыбка на лице судьбы – корявая трещина в стволе древнего лесного исполина...

Писарь обмакнул гусиное перо в медную литую чернильницу, хищно нацелился на белый, ни в чём не повинный лист бумаги...

– Так как писать – через «О» или «А»? Или ты не грамотный?

Человек равнодушно пожал плечами.

– Пиши через «А» – не всё ли равно. И так и так неправильно...

– Почему? – очень натурально удивился писарь, став мгновенно похож на настороженного селезня, у которого дворовый мальчишка вот-вот выдернет из хвоста жемчужное перо.

– Меня зовут Селим.

– Ну и?... – вскинул брови писарь.

– Ничего, – сказал он. – Не отвлекайтесь, господин надворный писарь, я так... размышляю. Вслух.

Герцог. Высокий, поджарый, наполовину седой, похожий на степного орла хищной повадкой.

Он. Собеседник Герцога. Ниже на полголовы, но в кости шире, скрытые тёмным плащом плечи выдают немалую силу.

Покой.

В отливающих зеленой канделябрах тускло горят фитили, бросая тревожные, рваные тени на лица собеседников. Заполночь. Сквозняки. Кутающийся в тёплую шерстяную накидку Герцог. Замерший в немой неподвижности, словно бы не чувствующий холода другой. На плече его – серебряная фибула, круг, разделённый надвое ломаной стрелой.

– И так, – говорит Герцог. Глаза его мерцают тем же зелёным огнём, что и медь канделябров. Тонкие губы цедят слова.

– И так, – говорит Герцог. – Вас зовут Салим Кандидо.

– Да.

– Это настоящее имя?

– Теперь – да.

– И вы хотите служить мне.

Герцог не спрашивает. Герцог утверждает.

– Почему? – а вот это вопрос.

– Мне нужен сильный господин. Сейчас самый сильный – Вы.

Герцог задумывается. Ненадолго, удара на три сердца.

– Хорошо. Но откуда я знаю, что ты мне не изменишь?

– Моё слово. Я буду верен вам до конца ваших дней.

– Но откуда я знаю, что ты сдержишь слово?

Теперь молчит собеседник.

– Вы – не знаете, – говорит он, наконец. – Но кто не рискует, тот...

Губы Герцога искривляются в жесткую полуулыбку...

– А всё будет очень просто, – говорит судья. – Однажды приду я, или тот, кто меня заменит, и скажет: время предавать. И ты – предашь.

– Почему?

– Потому что предавать – твой талант. Твой единственный неповторимый талант.

Он в тёмном плаще, разрываемом ветром. Под ногами – помост ратуши, впереди, насколько простирается площадь, море голов. Чернь вышла на улицы, требуя хлеба и зрелищ, вина и женщин. Крови господ и золота богатеев.

– Что вы хотите? – голос его разносится над площадью, как часом раньше – звук набата. Толпа взрывается криками.

– Стоп, – он поднимает руку. – Мне нужен человек. Человек, говорящий с вашего голоса и вашими словами. Один. Тогда я его выслушаю.

Толпа вздымается шумной волной, набегает на ворота ратуши, откатывается, снова набегает, и выталкивает из своих недр рослого темноволосого человека в одежде подмастерья.

– Это наш Голос! – вопит толпа. – Он говорит за нас!

Они стоят напротив друг друга: он, рослый, плечистый, в дорогом тёмном плаще с серебряной фибулой на плече, и Голос, не менее плечистый и рослый, одежды его просты, но если поставить их рядом, плечом к плечу – братья, не иначе, разлучённые ещё в детстве, но сохранившие фамильное сходство, несмотря на десятки прожитых отдельно лет.

– Здравствуй, Голос, – негромко говорит он.

– Здравствуй и ты, господин, – откликается Голос. – Говорить будем, иль сразу меня на дыбу – чтобы не терять время попусту?

– Сначала поговорим, – он улыбается, чем вызывает удивлённые взгляды свиты. Его не привыкли видеть таким. Его привыкли видеть мрачным, как сама смерть.

Ещё больше свита удивляется, когда он приказывает им удалиться.

– Давай, Голос. Я тебя слушаю...

– Ты предашь единственный раз, но этого раза должно хватить за глаза, – иногда судья говорит загадками. – Но чтобы предать, ты должен стать самым верным, самым честным.

– Но как?

– Любое данное тобой слово – станет камнем. Чтобы никто и ничто не заставило тебя его нарушить. Ты должен стать идеалом чести, идеалом добродетели. И неважно – кому дано слово, простолюдину или нищему, герцогу или придорожному дереву. Ты одинаково отвечаешь перед всеми.

– По рукам? – говорит он. Чем-то ему нравится этот Голос, этот простолюдин – как ни странно, именно таким он хотел бы видеть своего младшего брата, когда тот вырастет. Если вырастет...

– Ты даёшь слово? – спрашивает Голос. – Даёшь слово простолюдину? Ты – господин над господами, белая кость?

– Даю. А я не бросаю слов на ветер...

Герцог разъярённым вихрем врывается в покой, расшвыривая караул из городской стражи. И – останавливается перед ним, словно налетев на невидимую стену.

Он внешне совершенно спокоен, орлиный взгляд герцога – сверху вниз, на букашку, посмевающую иметь собственное мнение – его нисколько не беспокоит. Он молча ждёт.

– Ты! – кричит Герцог, его голос сдавлен от ярости. – Ты! Посмел ослушаться моего приказа?! Где Голос? Почему бунтовщики ещё не на плахе, почему я не слышу предсмертных криков?

– Я дал слово.

– Ты?! Я – твой господин! Моим приказам ты должен был следовать!

– Я – дворянин. Я дал слово. И пока я жив – крови в городе не будет.

Герцог весь кипит. Но пытается успокоиться.

– Подумай! Хорошенько подумай. Я – твой господин и я не хочу тебя потерять. Слово, данное простолюдину – ничто. Дворянин должен держать слово, только данное такому же дворянину!

– Моё слово – моя честь.

– Я твоя честь! – кричит герцог, брызжа слюной. – Беру твой грех на себя. Иди и убей бунтовщиков, сожги их дома... Если не можешь сам, скажи мне их имена – я пошлю кого-нибудь другого!

– Нет.

– Это твоё последнее слово? – глаза герцога опасно сверкают.

– Да.

– Стража! – кричит герцог. – Под замок его! В самый крысиный угол! Быстрее, пока я не убил его собственными руками!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.